

Эдвард Радзинский

Обольститель Колобашкин

Часть сборника
Пьесы

Эдвард Радзинский
Обольститель Колобашкин

«АСТ»

1967

Радзинский Э. С.

Обольститель Колобашкин / Э. С. Радзинский — «АСТ», 1967

ISBN 978-5-17-055247-4

«Обольститель Колобашкин» (1967) – одна из ранних пьес известного драматурга Эдварда Радзинского.

ISBN 978-5-17-055247-4

© Радзинский Э. С., 1967

© АСТ, 1967

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Эдвард Радзинский

Обольститель Колобашкин

Часть первая

Утро. Улица. По улице идет Ивчиков с большим портфелем под мышкой. С криком «Э-эй» его догоняет человек.

Человек. Привет!

Ивчиков (*вежливо*). Здравствуйте.

Человек. Ну как она, жизнь молодая?

Ивчиков. Ничего, спасибо. Голова несколько болит. Душный день.

Человек. Так это отлично, дружок. Раз болит, значит, наличествует. А это уже немало. Так, Федя?

Ивчиков. Вы что-то перепутали. Меня зовут не Федя.

Человек. Стоп! Сейчас скажу! Витя! Ну конечно, Витюха!

Ивчиков (*улыбнувшись*). Да нет же, Володя! **Человек.** Ну конечно, Володенька! Какая мог забыть. Ну тогда я обращусь к тебе торжественно: «Вова – здорово!» А ты, я вижу, меня забыл. Старых друзей забываешь! А я тебя сразу узнал. Как увидал, так и узнал. Это он, Вольдемар, говорю я себе. Никак не иначе.

Ивчиков (*мило*). А я вас что-то совсем не помню. **Человек** (*будто не слыша*). Итак, Вовуля, ты уж позволишь мне тебя так амикошонски называть, в честь нашей старой дружбы... Итак, Вовчик, ты мне должен оказать услугу.

Ивчиков. Я...

Человек. Все дело займет максимум час.

Ивчиков. Но...

Человек. Без «но». Час для друга...

Ивчиков. Я просто...

Человек. Вова, не погуби.

Ивчиков. Я обязан...

Человек. Я не слышу. Я оглох. Старый друг – лучше новых двух.

Ивчиков. Вы никак не хотите меня выслушать. Я рад оказать вам услугу. Но дело в том, что я иду на работу...

Человек. Ну и что? (*Решительно взял его под руку и ведет в противоположную сторону.*) Читал ли ты Лассилу, Вольдемар? Это финский классик. У него есть книга: человек пошел за спичками и в результате попал куда? В Америку. Или Брехт... Ты интеллигентный человек, тебе что-нибудь говорит это имя? Что сказано у него? Человек пошел за воблой, а попал черт знает куда. Но это все беллетристика. Возьмем жизнь. Мой друг, Черепайло Михаил, как-то оконфузился на пятнадцать суток. А дело было под Новый год. Сидит. Вдруг приходят в это грустное место люди из жэка. И спрашивают: есть ли среди сидящих массовик-затейник? Наш Дед Мороз ящуром заболел. А у нас в жэке елка. И целый вечер мой друг Михаил Черепайло за Деда Мороза был. А рядом с ним милиционер ходил. Детишкам объяснили, что милиционер этот – дядя Степа. С тех пор Михаил Черепайло ушел навсегда в Деды Морозы.

Ивчиков. Куда вы меня ведете?

Человек. Я не предлагаю тебе ради нашей дружбы уехать в Америку или перейти в Деды Морозы. Я прошу немного. Мне до дьявола нужно сделать фотоснимки о том, как одна баба... кстати, великолепная баба...

Ивчиков. Я попрошу вас...

Человек. Молодец! Хорошая черта. Я тоже ненавижу когда женщин называют бабами. Ты посидишь у нее на опыте... В качестве подопытного лица. Час, только час.

Ивчиков. Нет, это все мне решительно не подходит. Понимаете, мой начальник Пивоваров...

Человек. Прости, ты где работаешь?

Ивчиков. В архиве.

Человек. Это что же, Генка Пивоваров у тебя в начальниках?

Ивчиков. Не Генка, а Федор.

Человек (*продолжая вести его под руку*). Вот маразм-то. Ну конечно, Федюшка Пивоваров. Обычно имя скажешь... а сколько за этим делом скрыто, напитков выпито. Да я ему сейчас позвоню – он тебя на месяц освободит. Пивоваров, Федюха, скажу я ему...

Ивчиков. Что вы, что вы... (*Смеется*) Ему нельзя говорить «Пивоваров». Его фамилия Скобелев. Это его за толщину у нас так прозвали. Он, знаете, обижается очень. У нас даже местком собирався.

Человек (*несколько сконфуженно*). Бывает же такое... совпадение... А у меня друг есть... Пивоваров... И тоже по архивной части ходок... Итак, Вовенция, спасибо тебе за согласие, все замечано. Через полчаса возвращаешься к своим архивным мышам. (*Бьет его по плечу*) Позволь мне облобызать тебя на радостях. (*Воздушный поцелуй*)

Ивчиков. Я вас только попрошу в дальнейшем не бить меня по плечу. И не говорить так о моей работе. Мне это обидно.

Человек. Обиделся... А я ведь не обиделся, когда ты для старого друга не захотел сделать такую малость. Когда из-за толстой свиньи Пивоварова ты нашу дружбу решил порушить. Нет, я не обиделся. Потому что я тебя люблю и всегда тебя любил. Есть во мне большая приязнь к тебе.

Ивчиков (*засмеялся*). Вы тоже очень милый, хотя, честное слово, я вас не знаю.

Человек. А долго ли познакомиться? Делов-то на три копейки. (*Представляясь*.) Колобашкин Серафим Серафимович.

Ивчиков. Ивчиков Владимир Еремеевич.

Колобашкин. Ну, вот видишь. Итак, мы идем с тобой, Еремейч. (*Остановился*.) Да, вот что еще, понимаешь... По дороге... это, конечно, все между прочим... Нам придется забегать... не спорь, Вовенция... на пару минут ко мне на работу в научно-фантастический журнал. Представляешь, журнал именуется «Фантаст», и редактор журнала – тоже фантастический. Интеллект! Руководит одновременно журналом и отделом научного института. Это тебе не баран чихал. Я тебя с ним познакомлю. Поэтому можно считать, что мы идем туда для тебя!

Ивчиков. Я прошу отпустить мою руку, я ведь не убегаю.

Колобашкин (*не отпуская руки*). «Тра-та-та, тра-та-та, мы везем с собой кота, чижики, собаку...» Или, как говорится в детской передаче, «шажок-другой – в мир большой».

Затемнение.

Слева – кабинет в журнале «Фантаст». На фоне карты затонувших сокровищ и ракет, пребывающих в разных состояниях: стартующих, просто летящих или уже достигающих других миров, – редактор журнала **Зенин**. Справа – НИИ. Здесь работает Кира Ивановна Бурмистрова. В настоящий момент за белой ширмой она «закладывает» крыс для эксперимента. Из-за ширмы видно только ее лицо.

В журнале «Фантаст». В кабинете Зенина появляется Колобашкин. Втаскивает за собой Ивчиков а. Ивчиков в изумлении смотрит на редактора Зенина.

Ивчиков (*испуганно Зенину*). Товарищ Пивоваров?

Недоуменный взгляд Зенина.

Ой, я ошибся. Вы так похожи!

Колобашкин (*Зенину*). Значит, все в ажуре: спешим на опыт к Кире Бурмистровой.

Зенин. А рассказ? Рассказ, конечно, с вами?

Колобашкин. Рассказ со мной, и в то же время его со мной нет. Подвел автор. (*Скороговоркой.*) Я даже прихватил с собой этого, с позволения сказать, автора. Пусть ему стыдно будет. (*Представляя Ивчикова.*) Автор.

Ивчиков (*ошалело*). Я... Я...

Колобашкин. Ты, Володя. Ты... (*Зенину*) Я ему говорю: «Как же так, Вова? Здорово ты живешь! Апрельский номер, шуточный фантастический рассказ. Ты обещал – и так подводишь! Ай-ай-ай!» Но за это он согласился быть подопытным у Бурмистровой. У меня вышел прокол. Подопытный гражданин, которого намечали, улегся в больницу на улице Радио. Что делаю я? Говорю Вольдемару: «Не сделал рассказ – спасай фотомонтаж». Кстати, отменный материал для гипноза. Сочинитель!

Зенин. Это не избавляет вас...

Колобашкин. Именно! И поэтому, преодолевая трудности, я все же написал рассказ.

Зенин. И где же он?

Колобашкин. Я прочел его вслух самому себе и... и я разорвал его на мелкие клочки! Я изничтожил его! Искромсал! По причине высокой требовательности. Не волнуйтесь, я тотчас придумал новый.

Зенин (*устало*). И где же он?

Колобашкин. Пока в голове. Но я сейчас подробно изложу. Значит, рассказ... Итак, рассказ-шутка. Называется «Первое апреля 2001 года». Прекрасное название. Человек, назовем его условно Макс, звонит своему другу Бобу и говорит: «Здравствуй, Боб. Я, Макс, изобрел гравитатор. Дикой силы прибор, язви его душу...» Действие происходит, разумеется, в капстране...

Зенин. Разумеется. Далее.

Колобашкин. Боб не верит Максу И тогда Макс приходит к Бобу самолично с гравитатором под мышкой. Сидят. Пьют чай двадцать первого века с водорослью... как ее... с хлореллой. А вокруг все как положено в ихнем веке: два робота, жена Мери, искусственный климат. Но Боб по-прежнему не верит в гравитатор. Судьба изобретателей. Макс в гневе: «Ах, ты не веришь мне, Боб!» И он направляет гравитатор на квартиру Боба. И – бенц!

Зенин. Что – бенц?

Колобашкин. Нету. Ни квартиры, ни Мери. Все спалил гравитатор к чертям собачьим. Боб в отчаянии: «Что ты наделал, Макс, где моя жена Мери? Мы жили с ней душа в душу, меж нами была игра!» Тут Макс как захохочет! Потому что... хи-хи-хи... это была... ха-ха-ха... первоапрельская шутка. Это был не гравитатор, а... хо-хо-хо... просто датчик направленных биотоков. И, следовательно, все испепеление происходило лишь в воображении присутствующих. (*Бодрясь*) Как финальчик?

Зенин (*Ивчикову; раздраженно*). Что вы на меня так смотрите?

Ивчиков. Вы очень похожи на моего начальника товарища Пивоварова... то есть его фамилия Скобелев... У нас даже местком...

Колобашкин. Он – беллетрист... Ну мы пошли, пожалуй...

Зенин. Стоит ли торопиться? Ведь вы так мечтаете рассказать мне остроты, которые, безусловно, подготовили для раздела «Барон Мюнхаузен»?

Колобашкин. А, как же... (*Грозно*) Владимир Еремеич, я надеюсь, что хотя бы остроты...

Ивчиков. Я не совсем понимаю...

Колобашкин. Он даже не понимает! Это черт знает что! По-моему, это все из-за буфета. Как только у нас закрылся буфет на ремонт, исчезли все квалифицированные авторы. Где научно-фантастические остроты, Володя? Нелепицы, каковые ты обещал нам родить?! (*Подступая, шепотом.*) Не подведи – не выдай – пожалей детишек малых...

Ивчиков. Ах, нелепицы? (*Засмеялся.*) Нелепицы я, пожалуй, вам скажу.

Изумленное лицо Колобашкина.

Я их очень люблю и всегда запоминаю. Вот, к примеру: «На острове Хоккайдо птицы поют так сладко, что больным сахарной болезнью запрещают ездить на остров Хоккайдо».

Колобашкин. Потрясно!

Зенин. Несравненно! Только я уже где-то это читал.

Ивчиков. Я тоже где-то это читал, только не помню где.

Колобашкин. Так какого же черта!

Ивчиков. А вы знаете, эта нелепица – очень хороша. А почему хорошие вещи нельзя напечатать дважды? Я читал очень много плохих вещей, которые печатали дважды и даже трижды...

Колобашкин. Ну точно – беллетрист. Итак, вот острота, подготовленная лично мною, правда, она пока всего одна. Рассчитывали на Еремеича. Но зато какова острота: «Требуются кочегары... для атомной электростанции!..» Ха-ха-ха... Все остальное доделаю завтра. Клянусь!

Зенин. На будущее...

Колобашкин. Никогда не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня. Понял? «Кончено дело, зарезан старик, Дунай серебрится, блистая».

Ивчиков (*вдруг*). Только я никак не могу понять: а почему нельзя откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня? Я, например, из-за этой поговорки вечно спешу и делаю сегодня вещи, которые отлично можно сделать и завтра или, как выясняется потом, лучше совсем не делать.

Колобашкин. Определенно – беллетрист. (*Задумчиво*) И как... добр! (*Вновь засуетился, вынимает из-под стола фотоаппарат. Зенину*) Ну а теперь перейдем к главному: запечатлеем вас на предмет вашего сегодняшнего юбилея...

Зенин. А стоит ли?

Колобашкин (*тотчас*). Не стоит! (*Мгновенно соображая*) Действительно... Какая мог подумать!.. Фотографировать вас... здесь... в этом хилом журнале! Ох! Ах! Фуй! В конце концов, вы прежде всего не редактор! А понимаете ли – ученый! Талант! Борец! Член научного совета! Один из руководителей института! Нашел! Вот там-то мы вас и запечатлеем! Поэтому я настаиваю! Мы все настаиваем! Чтобы вы немедленно двинулись с нами в лабораторию Бурмистровой на предмет запечатлевания вас там!

Они идут в НИИ. Зенин – впереди, за ним, обвешанный фотоаппаратами, Колобашкин. Он тянет за собой Ивчикова, причитая: «Потом все объясню. Не обижайся – не погуби – детишки голодуют».

В НИИ. В лаборатории по-прежнему одна Кира. Входят Зенин, Колобашкин и Ивчиков. Взаимные приветствия.

Колобашкин. Бежали. Опоздали. Виновен он. (*Представляя Ивчикова*) Подопытный гражданин.

Зенин (*строго, Кире, чтобы что-то сказать*). А почему вы исполняете работу лаборантки?

Кира. Лаборантка слишком женственна. Она не может резать крыс. А крысы мне понадобятся, к сожалению, завтра утром. (*Ивчикову.*) Присаживайтесь. Лаборантка сейчас подойдет.

Колобашкин (*налаживая фотоаппарат, Зенину, тихо*). Она в плохом настроении.

Зенин. Видимо, мало работы. На нее надо наваливать работу, как на ломовую лошадь. Тогда она счастлива. Трагедия, и преимущественно узких специалистов.

Колобашкин. Приступим к запечатлеванию.

Кира работает. Ивчиков сидит на стуле, озираясь по сторонам. Зенин, стараясь сохранить насмешливое отношение к происходящему, позирует Колобашкину.

(*Зенину*) Заберем головочку повыше... Так... А теперь уложим щечку набок во избежание кривизны рта... Именно... А правое ушко слегка опустим.

Зенин. Ушко я опущу. (*Усмехнувшись*) Да, я хотел вам сказать... Приходите сегодня в Дом ученых на мой юбилей. Я вас приглашаю.

Колобашкин. Признателен. Весьма.

Зенин. Только вот что... Уже в самом понятии «юбилей» есть нечто...

Колобашкин (*сокрушенно*). Д-да...

Зенин. Поэтому я очень прошу вас, дорогой, внесите в эту сегодняшнюю канитель чувство беспутного юмора, что ли... какие-нибудь розыгрыши слишком серьезных людей... Вы ведь безумец, Колобашкин.

Колобашкин (*фотографирует*). Розыгрыши – это я смогу.

Зенин. Продумайте их хорошенько, милый, чтобы это было по-студенчески и в то же время не оскорбляло.

Колобашкин. А что, если объяснить собравшимся, будто я изобрел «Машину времени имени доктора Фауста», и продемонстрировать ее наглядно?

Зенин (*громко*). Ну какой же это розыгрыш! Во-первых, большинство поверит. Никто так не склонен к мистике, как серьезные ученые. Бутлеров занимался спиритизмом. Но, кроме того, я боюсь, что большинству будет попросту мучительно неловко, ибо они не читали «Фауста». Что делать, доктор Фауст куда менее популярен в среде моих коллег, чем какой-нибудь академик Лысенко.

Колобашкин хохочет.

Вот вы смеетесь, а всего тридцать лет назад вы бы над этим не смеялись.

Колобашкин. Значит, есть смысл подумать, над чем мы будем смеяться еще через тридцать лет.

Входит лаборантка Лида. Видит Ивчикова.

Лида. Ой, мамочки! Кто как хочет, а я в обмороке! (*Плюхается на стул*)

Удивление присутствующих.

Кира. Все в порядке. Я предупреждала: Лида женственна, она не может видеть, как я режу крыс.

Лида (*кричит*). Да не из-за крыс я! Ведь это Владимир Еремеич! Мы с ним в одном архиве три месяца работали.

Ивчиков. Здравствуйте, Лидочка.

Лида. Это такой серьезный человек! Он за один день триста единиц хранения обрабатывал!

Ивчиков. Ну что вы, Лида!

Лида. Нечего стесняться. Когда Малинкина в декрет ушла, ему...

Кира. Вы крыс оформили?

Лида (*сразу увлекшись новой темой*). Такие хорошие крысята – импорт! Вы, Кира Ивановна, хотите обижайтесь, хотите нет но я их резать не могу. А вот в клетке сколько хочешь могу видеть. Значит, я крыс получила и сразу нашу клетку на замочек. А то у Шнейдерманши свои крысы кончились, так она наших таскает. У Шнейдерманши крысы – плюнуть не на что, а у нас венгерские.

Колобашкин (*закончил съемку, чуть подмигнул Зенину в сторону Лиды*). Ничего, да?

Зенин. Очень, очень.

Колобашкин (*шепотом*). Вы о Лидочке или о Кире Ивановне?

Зенин. Ну что вы, я не воспринимаю Киру Ивановну в этом качестве. Странная вещь. Я могу увлечься любой лаборанткой, но Кира Ивановна... (*Заходил по лаборатории*.)

Лида (*Кире, кивнув на Зенина и Колобашкина*). Это что за мальчишки?.. И как он на ноги мне зыркнул. А ноги у меня правда красивые. Я свою силу знаю.

Кира. А теперь постарайтесь молча подготовить к опыту вашего знакомого.

Лида (*подходит к Ивчикову*). Давайте опутываться. (*Опутывает его проводами*). Ну, как там, в архиве? Небось все экскурсии водите? Малинкина родила, я слыхала. А здесь работа ничего. И оклад повыше. Людей разных видишь. Вчера поп пришел... Мы его гипнотизировали. А во вторник – дояр.

Зенин (*расхаживая по лаборатории. Напевает*). Тим-пиритим-тим...

Кира (*усмехнувшись, себе*). Томится, бедный. Я думала о нем получше. Значит, столп науки попросту пришел сфотографироваться и заодно посмотреть на ноги очередной лаборантки. Что делать? У него поздняя молодость. Теперь ему пора удаляться. Но как это сделать поприличнее? Как?

Зенин рассказывает.

Не будем моралистами. Мы учились по его учебникам, мы поклонялись ему когда-то, мы ему поможем. (*Зенину*.) Вениамин Александрович! Опыт немного нервный, если вы...

Зенин (*торопливо*). Д-да. Я, пожалуй, пойду. Так, бесспорно, будет для вас спокойнее. (*Уходя*) Чудесно... чудесно, я надеюсь, милая, увидеть вас сегодня в Доме ученых. (*Колобашкину*) До вечера, дорогой. (*Уходит*)

Кира (*себе*). И он ушел ради меня.

Колобашкин (*Кире*). Сегодня – пасмурная? Много неприятностей?

Кира. Нет. Обычное количество.

Колобашкин. У меня, знаете, есть друг, Черепайло Михаил, так он тоже всегда во власти неприятностей. (*В процессе болтовни несколько раз «щелкает» Ивчикову и Киру*) Тысячи неприятностей на день. Дело дошло до того, что, если нет неприятностей, Михаил спать не ложится. Как-то прихожу я к нему среди ночи – не спит. Что такое, спрашиваю. «Не могу

заснуть, – отвечает Мишутка. – Не было еще неприятностей. Вот лежу поджидаю». Так, знаете, до утра пролежал. Ну, утром с ним insult приключился. И сразу успокоился. Теперь, говорит, Серафимчик, все у меня хорошо. Теперь и заснуть можно.

Кира. Если вы еще раз вздумаете фотографировать без моего разрешения...

Колобашкин. У меня есть фантазия. Я догадался. Двадцатый век – дураков нет!

Кира (*усаживаясь рядом с Ивчиковым*). Эксперимент будет нуден, как все эксперименты. Это сеанс гипноза. Вам, наверное, уже все объяснили...

Колобашкин (*торопливо*). Объяснили, объяснили.

Кира оборачивается. Колобашкин замолкает.

Кира (*берет руку Ивчикова и смотрит ему в глаза*). Опробуем приборы.

Колобашкин (*подходя к Лиде, шепотом*). Симпатичная, однако, вы девушка.

Лида. Это вы всем так говорите или через раз? Колобашкин (*готовясь к съемке, ставит стул на стол, шепотом*). Я опасный.

Лида. Видали мы зверей почище львов. (*Хочет обратиться к Кире Ивановне*)

Колобашкин (*прикладывает палец к губам*). Тесс... Я жду вас, Лида, сегодня в семь, в кафе «Фиалка».

Кира (*не оборачиваясь*). Тишина полнейшая. Лида!

Лида подходит к Кире с блестящим предметом. Кира берет предмет и начинает медленно раскачивать его перед глазами Ивчикова. В это время Колобашкин неслышно влезает на стол. Возникает музыка.

(*Моноotonно, Ивчикову.*) Вам хочется спать. Вы давно не спали. Вам необычайно хочется спать. Вы утомились. Спите... Спите... Спите... Что вы видите? Говорите.

Ивчиков. Я иду по парку. Высокий дом. В нем много света и пахнет деревом. Там живет сверчок. А у порога на скамейке сидит Она. Интересно, почему Она в этом доме?

Кира. Вы рады, что вы ее видите?

Ивчиков. Рад! Очень рад!

Кира. Говорите с ней.

Ивчиков. Я вас ждал всю жизнь. У меня мало друзей. Я стеснительный. И от этого не умею веселиться. Когда все веселятся, я сижу молчу и всем порчу настроение. Я очень одинок. Меня еще никто не любил. Хотя это несправедливо. Знаете, когда я вижу, как красивые девушки идут с самыми обычными мужчинами, а те даже не обращают на них внимания, мне так бывает обидно.

Кира. Опишите ее.

Ивчиков. Она высокая, и плат у нее до бровей. Лида (*шепчет, восторженно*). А я в архив в платке ходила.

Кира. Говорите с ней.

Ивчиков. Я всегда мечтал о вас. Я пишу о вас. Вы добрая! А я так люблю добрых людей. Я...

Он не заканчивает фразы, ибо при этом сообщении некая мысль повергает Колобашкина в сильнейшее волнение. С возгласом: «Эврика! Это он!» – Колобашкин делает неверное движение и с треском летит на пол.

Колобашкин (*лежа на полу*). Понять – это значит простить.

Кира (*взбешена*). Вы... вы...

Все кричат хором.

Колобашкин. Не кричите на меня!

Лида (*особенно усердствуя, ибо виновата*). Люди работали, нервов не жалели!..

Кира. Вас пустили!..

Колобашкин. Мы тоже не с мыловаренного завода и не со стройконторы тоже!

Лида. Охламон!

Колобашкин. И милости особой здесь нет. Если хотите знать, ваш подопытный оказался алкоголиком.

Лида. От алкоголика слышим!

Колобашкин. Он лежит в больнице на улице Радио!

Лида. Вас самих, наверно, оттуда выпустили!

Колобашкин (*размахивая руками*). Я битый час бегал по улице, искал вам подопытного! Я его уведу! (*Задевает рукой стул*)

Сооружение на столе рушится.

Ивчиков (*очнувшись. Как начало стиха*). Я долго спал...

Затемнение.

Слева – кафе «Фиалка». Справа – квартира Киры Ивановны. В кафе «Фиалка». Ивчиков и Колобашкин входят, усаживаются за столик.

Ивчиков (*расстроен'*). Как неудобно получилось! Я крепко заснул? Она из-за меня ругалась?

Колобашкин (*уклончиво*). Неудобно штаны через голову надевать, а все остальное – удобно. Пословица.

Ивчиков. Что же делать? Я совсем опоздал на работу. Что теперь будет?

Колобашкин. Я надеюсь, ты понимаешь, что ты сам заснул и сам опоздал?

Ивчиков. Да-да, конечно, я никого не обвиняю. Колобашкин (*торжественно*). А теперь, Вова, внимай: твой сон, твоя работа – все такая чепуха по сравнению с тем, что ты сейчас услышишь. Надо только кликнуть зодчего, чтобы он соорудил нам подобающее оформление. (*Кричит*) Официант!

В квартире Киры Ивановны. Кира входит, снимает плащ. Включает сразу телевизор и радио. оттуда с угрожающей громкостью высказывают голоса футбольных комментаторов.

Кира. Почему так любят футбол?

Рев стадиона: «Го-ол!»

(*Выключает*) Видимо, просто мужское братство. Дома на них кричат, на работе кричат, а тут они сами кричат... Надо куда-то пойти. Как говорила мама: «Ты пойдешь сегодня в компанию?» Она думала, что это происходит от слова «кум». Куда же пойти? К подругам юности? Приду, буду пить чай, а их мамы будут восклицать: «Кира, вы до сих пор не вышли замуж!» А я буду восклицать: «Ах, я такая, знаете, умная, ироничная, мне ни с кем не интересно». Вот на днях я беседовала с сотрудником Шулендиком. У него были такие серьезные намерения,

и при этом он вел такую увлекательную беседу о крысах. И я вдруг начала хохотать. А кому это приятно, если у тебя серьезные намерения! В заключение можно сказать что-нибудь типа: «Мужчины всегда любят глупых» – и закончить на этом беседу.

А действительно, как говорит мне лаборантка Лида каждое утро: «А вы вчера опять не вышли замуж? Я – девушка молодая, но я и то думаю о себе...» В конце концов, лаборантка Лида права: пора действительно подумать о себе. Я читала анкету: «Статистика браков после двадцати трех лет». Пятьдесят семь процентов браков заключается на почве совместной работы, так сказать, совместная работа влечет к более тесному соавторству. Семнадцать процентов на турбазах, в санаториях и в иных местах массового отдыха. Два процента – во время случайных встреч... И еще что-то... Какие разнообразные возможности открываются после двадцати трех лет.

Надо заняться собой. Вот займусь собой и уж обязательно выйду замуж в местах массового отдыха. А что, если махнуть в Дом ученых – на юбилей? Получится старая история: буду сидеть и молчать и портить всем настроение. Как верно говорил сегодня этот молодой человек. Смешной какой! Нет, надо все-таки заняться собой. Да уж конечно! Вот закончу последнюю работу и тогда обязательно займусь собой. Или даже не так: сделаю сообщение в университете, последнюю работу, и уж тогда наверняка займусь собой. Или даже не так: сделаю сообщение в университете, потом последнюю работу, потом закончу докторскую, потом сделаю еще и то-то и то-то, а затем еще и то-то, и то-то, и то-то, и то-то... Затем я умру – и уж тогда обязательно займусь собой.

Кафе «Фиалка». За столиком – Ивчиков и Колобашкин.

Разговаривают.

В квартире Киры Ивановны. Кира готовится к вечеру в Доме ученых. Она приносит много чулок, тщетно пытается составить из них пару. Потом начинает причесываться. На голове у нее появляется чудовищное сооружение. В конце концов она обычно гладко зачесывает волосы и надевает свою обычную старушечью кофточку. Смотрится в зеркало. Зло смеется и выходит из комнаты.

В кафе «Фиалка».

Колобашкин (*ставит на стол бутылку*). Заметь, я не пью, ибо разговор наш важнейший. Значит, ты вправду сочинитель? Ложь моя, как говорится, в руку?

Ивчиков (*изумленно смотрит на Колобашкина*). Вы что-то перепутали?

Колобашкин. Только усы ты мне не закручивай. Я так рад, что ты сочиняешь о Добrote и любишь Доброту. Это очень важно для меня. Ну, давай рассказывай с подробностями. Про какую там добрую ЕЕ... которая в платке ходит... ты сочиняешь?

Ивчиков. А-а... (*Изумленно.*) Так вы имеете в виду добрую Февронию! А откуда вы об этом узнали?

Колобашкин. Я, милок, все узнаю. Ну что это за Фигония такая?

Ивчиков. Это прекрасная, добрая дева Феврония.

Колобашкин. Дева?!

Ивчиков. Если вас это заинтересовало, я расскажу. Существует рукопись четырнадцатого века «Сказание о Ферапонтовом монастыре». О ней написано много работ. А надо вам сказать, что сие «Сказание» находится у нас в архиве. И мой начальник Пивоваров очень этим гордится. Поэтому все у нас в архиве занимается «Сказанием». Я тоже, конечно, занимаюсь. Правда, я избрал узкую тему, по своим силам, – «О деве Февронии – основательнице Фера-

понтова монастыря». Но мне, знаете, очень повезло. Я привлек иконографический материал и предположительно воссоздал лицо доброй девы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.